

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

(По материалам экспедиции НИИ художественной
промышленности ММП РСФСР)

ИЗУЧЕНИЕМ русского народного искусства и кустарных промыслов Ульяновской области, а также состояния современных художественных производств¹ до сих пор мало кто занимался. Ульяновская область почти не исследована в этом отношении историками материальной культуры и этнографами.

В 1968 году впервые предприняли выезды по русским районам Ульяновской области НИИ художественной промышленности Министерства местной промышленности РСФСР (Москва) и Музей этнографии народов СССР (Ленинград).

Экспедиция НИИ художественной промышленности носила разведывательный характер и целью ее было, прежде всего, выявление национального своеобразия народного искусства и состояния местных художественных промыслов, изучение возможностей организации на домничества и дальнейших реальных перспектив развития народного искусства².

НИИ художественной промышленности за последние несколько лет оказывал неоднократно творческую помощь новым художественным производствам Ульяновской области. Однако эта помощь не являлась регулярной методической и творческой, так как для этого этапа

¹ За последние годы в Ульяновской области были созданы цехи художественной керамики (г. Ульяновск), художественного ткачества (г. Карсун) и художественной обработки дерева (пос. Кузоватово) при промкомбинатах Управления местной промышленности.

² Экспедиция НИИХП в Ульяновскую область проводилась с 13 июля по 2 августа 1968 года под руководством старшего научного сотрудника института Л. Н. Гончаровой. Членами экспедиции были художники Е. И. Сапронова (керамист), В. В. Соколов (обработка дерева) и В. К. Орлова (ткачество).

работы института с художниками и мастерами необходимо было более серьезное изучение русских народных промыслов края, их истории и современного состояния.

Особенностью Ульяновской области, граничащей территориально с Чувашской, Татарской и Мордовской АССР, является наличие здесь большого количества сел с нерусским населением, со своим национальным укладом жизни, с элементами самобытного, типичного для каждой национальной культуры искусства. Вследствие этого в Ульяновской области, смешанной по национальному составу, понятие местного народного искусства является более сложным и многогранным.

Народное искусство чувашей, мордвы и татар давно вызывало интерес у специалистов и художников, поэтому во многих музеях Москвы и Ленинграда можно встретить богатые собрания народного искусства этих народностей¹, а в литературе — подробные научные описания отличительных особенностей их материальной культуры².

Русскими же селами Ульяновской области, как уже отмечалось выше, почти никто не занимался, поэтому в литературе мало сведений о народном искусстве русского населения края. По предварительным данным, удалось выяснить, что в XIX — начале XX вв. на территории Симбирской губернии были развиты резьба по дереву (ныне район Кузоватова), гончарство (Карсунский, Кузоватовский, Радищевский районы), вышивка и тка-

¹ Музей антропологии и этнографии АН СССР и Государственный этнографический музей народов СССР, Государственный Русский музей — в Ленинграде; Государственный исторический музей, Гос. музей искусства народов Востока и Музей народного искусства НИИХП — в Москве и др.

² П. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб, 1799; П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, СПб, 1788; Г. Масленицкий. Топографическое описание Симбирского наместничества, СПб, 1785; Г. Никитин, Т. Крюкова. Чувашское народное изобразительное искусство, М., 1960; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования археологии СССР, вып. 28, М., 1952; П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья; Д. И. Архангельский. Резьба по дереву (русская, татарская, чувашская). Альбом; Д. И. Архангельский. Мордовские и чувашские узоры; Альбом древностей мордовского народа, Саранск, 1964 и многие другие издания.

чество (ткачество было широко распространено во всех русских селениях), плетение из лозы (северо-западные и южные районы губернии), кузнечное дело и некоторые другие виды художественного ремесла.

Предварительный маршрут экспедиции НИИ художественной промышленности строился следующим образом: предполагалось начать с ознакомления с производствами на местах, где имеется в настоящее время наибольшая концентрация мастеров и художников, работающих над произведениями народного декоративно-прикладного искусства¹. Следующий этап работы экспедиции посвящался разведке наименее изученных районов, с целью выявления мастеров-надомников, а также сбора полевого материала — произведений русского народного искусства XIX—XX вв. Последнее решено было производить в местах, где были наиболее развиты художественные промыслы в прошлом.

В результате всех уточнений и корректив, сделанных на месте, маршрут экспедиции выглядел следующим образом: из Ульяновска экспедиция направлялась в Кузоватовский район, затем в Карсунский и соседний Инзенский при частичном знакомстве с Сурским районом и, наконец, один из южных районов — Радищевский с заездом в город Сызрань, бывший уездный центр Симбирской губернии. Во всех районах предполагалось ознакомиться с имеющимися художественными производствами и произвести обследования в населенных пунктах для выявления работоспособных мастеров по обра-

¹ Для составления и уточнения маршрута была широко привлечена специальная литература по быв. Симбирской губернии и современной Ульяновской области, имеющаяся в библиотеках Москвы и Ульяновска, изучены архивные материалы Государственного исторического музея, музея народного искусства, Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова и Ульяновского областного художественного музея. Члены экспедиции предварительно связались с сектором Среднего Поволжья Института Этнографии АН СССР и специалистами-этнографами, историками, занимающимися смежными вопросами.

Маршрут экспедиции был обсужден предварительно на заседании секции Ученого совета НИИ художественной промышленности, а затем в Ульяновске — с местными краоведами, историками, музейными работниками. Кроме того, были получены консультации в Ульяновском областном Доме народного творчества. Все вопросы были согласованы с Управлением местной промышленности Ульяновского облисполкома, с обкомом КПСС и облисполкомом.

ботке дерева, плетению из лозы, изготовлению гончарной посуды и ткачеству.

При уточнении районов, намеченных для обследования, экспедиция руководствовалась не только данными, почерпнутыми в беседах с местными краоведами и старожилами, но и разрозненными сведениями, встретившимися в литературе. Специальных исследований, посвященных народному искусству Симбирской губернии, мы не встретили, но есть литература о кустарных промыслах (справочники, отчеты, данные переписей, адресные книги, календари и т. п.), в которой можно найти сведения о кустарных промыслах каждого уезда за многие годы XIX — нач. XX вв. Наиболее ценной в этом отношении является книга-справочник Кlementия Воробьева «Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии», изданная в 1916 г. кустарным отделом Симбирской земской управы. В ней опубликованы материалы, собранные при местном статистическом обследовании губернии в 1910—1911 гг., а также при специальном обследовании кустарных промыслов Алатырского (в 1913 г.) и Карсунского (в 1914 г.) уездов. Основным материалом для К. Воробьева послужили данные сплошной подворной переписи, произведенной в уездах Симбирской губернии в 1910—1911 гг. На основе этих данных автор попытался установить общее число кустарей и ремесленников в губернии, распространение промыслов, место и период занятия ими, заработок кустарей и т. д.

В приложении к справочнику помещены диаграммы и картограммы с подробными данными, которые основаны на конкретном фактическом материале и представляют большой интерес при изучении промыслов Симбирской губернии. В таблицах даются по каждому уезду списки всех селений и общин, в которых встречались какие-либо кустари или ремесленники, с указанием количества их по каждому виду промыслов.

Сравнивая некоторые данные, опубликованные Воробьевым, с подлинными материалами переписей, можно убедиться, что автор добросовестно использовал архивные документы.

В Государственном архиве Ульяновской области хранятся данные подворной переписи и статистических обследований губернии с анкетными данными, представляющими большую ценность для историков, изучающих

кустарную промышленность Симбирской губернии. Благодаря этим материалам и публикациям К. Воробьева удалось уточнить районы с наиболее развитыми гончарством и ткачеством.

Материалы о художественных промыслах можно найти в сведениях о кустарных промыслах, публиковавшихся в памятных книжках Симбирской губернии¹, а также в ежегодных губернских календарях.

В отчетах и исследованиях по кустарной промышленности в России можно изредка встретить данные о промыслах и кустарях Симбирской губернии². Так, в томе VI за 1900 г. помещен отчет специалиста по ткачеству В. А. Доливо-Добровольской об организации школ и возрождении ткачества в Симбирской губернии. В XIII томе Отчетов и исследований помещен отчет о возрождении ковроткачества. В обзоре деятельности земства по кустарной промышленности рассматривается работа уездных земств Симбирской губернии, в частности, Карсунского и Сызранского, где имелись художественные промыслы³.

Таким образом, некоторые статистические данные дают возможность восстановить приблизительную картину распространения художественных промыслов и работы мастеров — кустарей Симбирской губернии в конце XIX — начале XX вв.

В собраниях музеев страны хранится очень скромное количество произведений русского народного искусства Симбирской губернии XIX—начала XX вв. и почти полностью отсутствуют предметы народного творчества современных мастеров. В Ульяновском областном краеведческом музее им. И. А. Гончарова имеется немногочисленная, но интересная коллекция вышивок, ткачества, деревянных изделий и керамики XIX в., приобретенных в основном у местного населения и, таким образом, паспортизированных (имеющих свою краткую легенду). В фондах этого музея есть первоклассные художествен-

¹ Памятные книжки Симбирской губернии издавались ежегодно в течение второй половины XIX в. Симбирским губернским статистическим комитетом.

² Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Томы VI, XI, X и др., СПб, 1900—1915.

³ Обзор деятельности земств по кустарной промышленности. т. II, 1914, стр. 231; т. III, 1916, стр. 268—269.

ные изделия из металла — железные подсвечники и сундучки-подголовники, окованные узорным просечным железом. Их можно датировать XVIII—серединой XIX вв., а некоторые из них (сундучки) относятся к более раннему периоду. Тонкие и изящные узоры просечного металла говорят о высоком мастерстве исполнителя. Однако, нельзя с уверенностью сказать, что эти предметы сделаны местными мастерами, а не куплены на ярмарке, ибо подобного типа изделия были широко распространены на севере и в центральной части России.

В фондах музея есть образцы хорошего узорного ткачества, которые, по словам специалиста по народному искусству, искусствоведа И. П. Работновой, перекликаются по технике исполнения и орнаментации с ткачеством русского севера. Вполне возможно, что эти узоры тканых изделий (как и предметы из металла) могли быть привезены переселенцами северных районов в Симбирскую губернию в XIX в.

Предприятия Ульяновским краеведческим музеем в 1960-х гг. экспедиции по сбору материала в Мелекесский

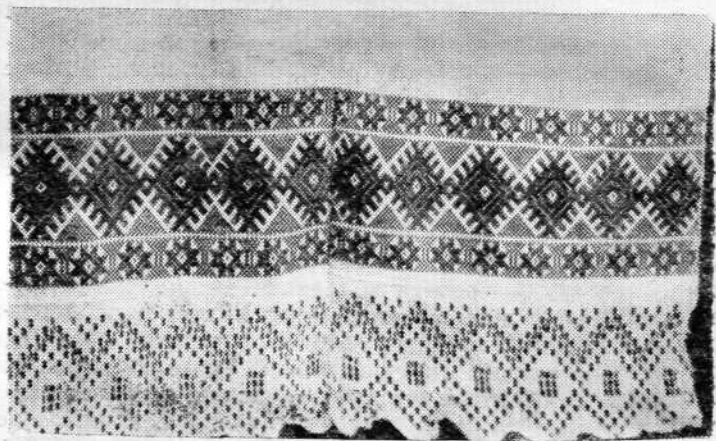

Рис. 1

Концы домотканого полотенца. Работа Е. С. Сорокиной, пос. Кузоватово. Нач. XX в.

Фото Л. Н. Гончаровой, 1968 г.

и Сурский районы не дали больших результатов в отношении предметов народного искусства¹. Из Мелекесского района были привезены полотенца тканые — браное ткачество с геометрической орнаментацией, широко распространенной в русских деревнях других районов России, и вышивка, преимущественно крестом, по мотивам известных броккаровских альбомов. Из Сурского района экспедицией привезена женская одежда из фабричных тканей начала XX в., донца, прялки и другие изделия из дерева, к сожалению, без орнаментации². Современных произведений народных мастеров Ульяновской области музей почти не имеет, за исключением отдельных предметов, выполненных сельскими мастерами, которые можно скорее отнести к разделу самодеятельного, чем народного искусства³. К сожалению, в музее нет совсем образцов керамики замечательных народных мастеров из села Сухой Карсун. Великолепные образцы гончарных изделий сухокарсунских мастеров имеются в Ульяновском областном доме народного творчества. Особый интерес представляют среди них кувшины и вазы для цветов, политые темно-коричневой и темно-зеленой глазурью и украшенные затейливыми «налепами» — своеобразной рельефной орнаментацией, характерной для художественных изделий Сухого Карсуна⁴.

Собранием произведений народного искусства в Ульяновской области необходимо заниматься регулярно и методически, тем более, что в Ульяновском музее имеется самая большая, хотя далеко не полная, коллек-

¹ Все сведения получены руководителем экспедиции от директора музея М. Х. Валкина и его научных сотрудников, которым автор выражает благодарность.

² В фондах музея есть одно лишь донце, на котором черной краской нанесено изображение медведя, инв. № 12863.

³ Санки и коробочки мастера Ф. Д. Шабернева из селения Потьма.

⁴ Керамика Сухого Карсуна представляет собой тот вид народного искусства, на который следует обратить особое внимание: местные мастера являются подлинными народными художниками и создают разнообразные по формам и орнаментации керамические изделия, сохраняющие только им присущие характерные особенности. Их произведения очень традиционны и, являясь подлинными произведениями народного искусства, могут по праву служить в качестве местных национальных сувениров.

ция русского народного искусства Среднего Поволжья.

В музеях Москвы много произведений башкирского, чувашского, мордовского, татарского народного искусства, однако, ни в одном из музеев нет ценного собрания произведений народного искусства, выполненных в русских селениях Ульяновской области. В фондах Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева имеется небольшая, но очень интересная коллекция рисунков художника Д. И. Архангельского, работавшего в 1910—1930 гг. над изучением народного искусства Симбирской губернии, в частности, художественной резьбы по дереву¹. Это преимущественно карандашные рисунки, тронутые акварелью (размер 21×30 см), с подписью и датой в правом нижнем углу. На рисунках изображены наличники крестьянских домов, донца, вальки, задки телег и прочие предметы, украшенные глухой резьбой, типичной для Поволжья XIX в.². Этот материал является ценным и пока единственным источником для изучения местной художественной резьбы по дереву. До сих пор не удалось нигде больше встретить воспроизведения деревянной резьбы раннего типа — глухой, рельефной, геометрической, существовавшей в деревнях и селах Симбирской губернии XIX в. и украшавшей предметы крестьянского быта.

Отдельные типы надомной резьбы южных районов бывшей Симбирской губернии можно найти в книге И. В. Маковецкого «Памятники народного зодчества Среднего Поволжья» (М., 1954), написанной по материалам комплексной экспедиции Института истории искусств АН СССР и Государственного исторического музея³, а также в работе Г. Никитина и Т. Крюковой «Чувашское народное изобразительное искусство» (М., 1960).

В 1960-х гг. сельской архитектурой Среднего По-

¹ Д. И. Архангельский в 1920-х гг. издал ряд небольших статей и альбомов с собственными зарисовками, посвященными, в основном, резьбе по дереву русских, татарских и чувашских деревень Ульяновской области.

² НИИ архитектуры им. А. В. Щусева Инв. № 4883, 4892, 4880, 4879, 4884 и др.

³ Экспедиция под руководством И. В. Маковецкого привезла в 1951 г. из Ульяновской области (была исследована южная ее часть) сарафан и женскую рубашу. (ГИМ, полевая опись № 83487).

волжья стали заниматься исследователи из Казани¹. В последние годы научными учреждениями Татарской АССР предпринимаются экспедиции по изучению сельской жилой архитектуры, в частности, северных районов Ульяновской области. Изучение последней носит, правда, скорее случайный характер, и народное искусство во всей его широте не рассматривается.

Наиболее интересные и ценные материалы для изучения материальной культуры неславянских народов, живущих на территории Ульяновской области, дают регулярно проводимые институтом Археологии АН СССР археологические экспедиции. Раскопки, проводимые в течение последних десятилетий под руководством профессора А. П. Смирнова помогают восстановить картину развития материальной культуры Среднего Поволжья периода господства волжских болгар².

Вследствие чрезвычайно ограниченных сведений о кустарных промыслах и народном искусстве бывшей Симбирской губернии и нынешней Ульяновской области, особенно важным при дальнейшем изучении этих вопросов является сбор полевого материала, хотя и в этом отношении исследователи окажутся в трудных условиях, так как во многих районах от прошлого почти ничего не сохранилось.

* * *

В. И. Ленин относил Симбирскую губернию к тем местностям России, в которых всего сильнее было развито крепостное право, и феодальные пережитки сохранились в большей степени, чем в ряде других районов России. Следствием этого была и наибольшая эксплуата-

¹ Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, П. Н. Кучерявский. (Казань). Формы связи дома с надворными постройками, как исторический источник. Тезисы доклада на сессии Института этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая. М., 1968; Е. Бусыгин. Русское сельское население ср. Поволжья. Казань, 1966.

² Часть коллекций археологических экспедиций находится в Ульяновском областном краеведческом музее, часть в собраниях ГИМ и Института археологии АН СССР. В собрании археологического отдела ГИМ имеется большая коллекция находок из так называемого муранского могильника (дер. Муранка Симбирской губ., Сенгилеевского уезда), собранная В. Н. Поливановым во время раскопок в 1890-х гг. и переданная в ГИМ (инв. № 36184), а также находки из экспедиции А. П. Смирнова. Все эти материалы могут представить интерес при более углубленном изучении истоков народного искусства Ульяновской области.

тация крестьян и, соответственно, максимальное их обнищание.

В работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» Симбирская губерния числится в группе районов наименьшего развития капитализма, где в конце XIX века была наименьшая оплата рабочего труда и наибольшая зимняя безработица. Тем, что Симбирская губерния обладала преимущественно плодородными землями, объясняется отчасти интенсивное развитие крестьянских промыслов в местностях с наиболее плодородными землями и сравнительно меньшее распространение промыслов, которыми были заняты крестьяне в зимнее время в районах с менее плодородными землями (в этих местностях крестьяне занимались чаще отходничеством).

Таким образом, положения В. И. Ленина помогают объяснить ту картину развития крестьянских промыслов в Симбирской губернии, которую частично удалось воссоздать по имеющимся материалам и по результатам полевой работы экспедиции НИИ художественной промышленности.

Как сообщают нам письменные источники и данные археологических исследований, земли Среднего Поволжья издавна интересовали славян как наиболее плодородные и прилегающие к одной из основных водных артерий Восточной Европы. Еще со времен Киевского государства на территории Поволжья существовали отдельные славянские поселения¹. Вторжение татаро-монгольских орд почти на 200 лет задержало продвижение русских на восток. По археологическим данным, после эпохи монгольских завоеваний русское проникновение на восток вновь усилилось. Как отмечает А. П. Смирнов, «русское влияние (в период с XIII по XV в. — Л. Г.) самое сильное, и не случайно русские князья с таким упорством боролись с болгарами за включение всей этой территории в состав русских княжеств. Гораздо менее значительным было влияние болгар...»² Это очень ценное наблюдение специалиста-исследователя истории волжских болгар, дает нам лишнее основание считать

¹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. Материалы и исследования археологии СССР, № 28. М., 1952, стр. 156.

² Там же, стр. 157.

необходимым и важным дальнейшее серьезное и глубокое изучение вопросов развития русской культуры на территории Среднего Поволжья и, в частности, бывшей Симбирской губернии.

С XIV века начинается активное продвижение русских на территорию будущей Симбирской губернии, ведется укрепление правого берега Волги в стратегических целях, строительство засечных линий и первых русских городов-крепостей Курмыш (1372 г.), Карсуна (1647 г.) и Синбирска (1648 г.), впоследствии названного Симбирском¹. За охрану Симбирской черты бояре и служилые получали поместья.

В конце XVII — начале XVIII вв. русские помещики стали вывозить из центральных районов страны крестьян, создавая русские деревни и села, называвшиеся часто по фамилиям и именам их хозяев (Языково, Анненково, Андреевка, Катериновка, Ивановка и др.). Вместе с появлением новых сел в осваиваемые земли проникла и русская культура, которую привозили с собой крестьяне, бережно сохранявшие свои национальные обычаи и традиции, пока это позволяли условия жизни.

К середине XVIII века лучшие земли, ранее принадлежавшие мордве, татарам, чувашам и марийцам, оказались в руках русских помещиков². Уже с середины XIX века количество русских стало намного превышать по численности остальные народности, населявшие Симбирское наместничество. Так, в 1866 г. национальное соотношение населения Симбирского наместничества было следующим: русских — 845 тыс., татар и мещеряков — 95 тыс., чувашей — 102 тыс., мордвы — 150 тыс.³.

Усиление зависимости крепостных крестьян от помещиков способствовало обнищанию народа. Крестьянину, работавшему на помещика или уходившему в отходничество, некогда было заниматься художественными ремеслами дома. Видимо, этим отчасти можно объяснить ограниченное количество изделий из дерева и металла в крестьянском быту и сравнительно большое количество тканых и вышитых изделий, которые могли исполняться женщинами в долгие зимние вечера. Можно отметить

¹ Исторические места Ульяновской области. Ульяновск, 1964.

² Памятная книжка Симбирской губернии за 1866 год.

³ Там же.

некоторую закономерность и в появлении мастеров-профессионалов: столяров, резчиков по дереву, кузнецов и пр., которые создавали превосходные работы на уровне столичных мастеров. Такие работы чаще встречались в районах, примыкавших к владениям наиболее богатых помещиков, которые могли обеспечивать мастеров постоянными заказами на обновление церквей, дворянских поместий и т. д.¹

В собрании Ульяновского областного художественного музея имеется очень интересная старинная мебель, исполненная местными мастерами. По своим художественным достоинствам она не уступает первоклассным образцам мебельного искусства.

Однако к концу XIX века искусство краснодеревщиков Симбирской губернии становится значительно ниже, что объясняется характерным для всего декоративно-прикладного искусства того времени упадком, а также тем, что начинается весьма активное влияние земских школ, которые, насаждая якобы «русский» стиль, способствовали утрате навыков и непосредственности местных мастеров². Так, известно, что в симбирские земские школы в период 1890—1917 гг. из Петербурга посылались рисунки мебели в русском стиле, которые приучали ремесленников к подражательности, копированию рисунков городских художников³.

Противоречивые тенденции в деятельности художников-профессионалов особенно ярко выявились при непосредственном общении их с мастерами-ремесленниками на промыслах. Это относится, главным образом, к Московскому и Смоленскому земствам, где наиболее широко работали художники-профессионалы и меценаты⁴. В этом отношении симбирские мастера и ремесленники были в более выгодном положении, так как здесь эконо-

¹ Можно сослаться на воспоминания известного в Ульяновской области мастера резьбы по дереву С. П. Сорокина, который исполнял целые иконостасы по заказам и делал профессиональные копии лучших образцов мебели России и Запада.

² Этот процесс происходил по всей России, ибо развитие капитализма приводило к сокращению ручного труда, и художественная промышленность вытесняла народного мастера с рынка.

³ ЦГИАЛ, ф. 790, оп. 1, ед. хр. 28, лл. 16, 64, 138 и др. Сведения получены от искусствоведа Л. Я. Супрун.

⁴ Имеются в виду работы Поленовой, Тенишевой, Якунчиковой и других художников конца XIX — начала XX вв.

мические причины не создавали благоприятных условий для работы земств с промыслами. Попытки возрождения народного кустарного искусства, предпринимавшиеся в Симбирской губернии, были весьма робкими и не привели к тем результатам (не всегда положительным), какие наблюдались в других губерниях.

Из литературы и статистических данных известно, что в Симбирской губернии в XIX в. были широко развиты промыслы по переработке шерсти (валяльный промысел, суконное производство) и гончарство. Отдельные деревни занимались изготовлением изделий из дерева и плетением из лозы. Работа на рынок тесно переплеталась с работой на заказ потребителя¹.

В XIX — начале XX вв. массовое производство глиняной посуды было развито в пределах Симбирской губернии в трех пунктах: село Сухой Карсун Сосновской волости Карсунского уезда (в 1910 г. там насчитыва-

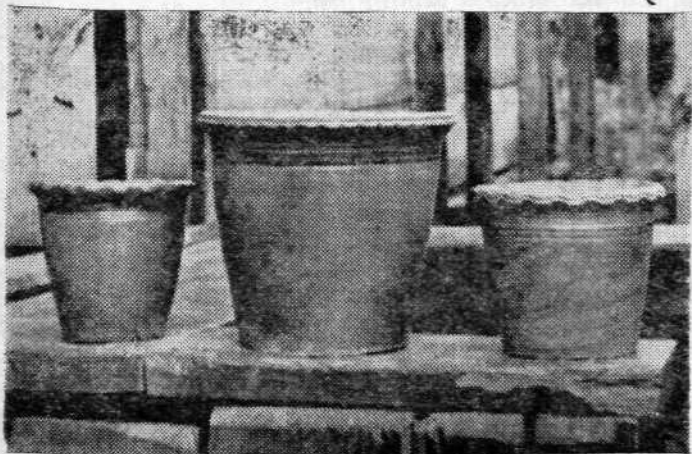

Рис. 2

Цветочные горшки. Работа гончара Пахомова Н. И.
с. Сухой Карсун

Фото Л. Н. Гончаровой 1969 г.

¹ К. Воробьев. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916, стр. 2.

лось 335 гончаров); село Ясашиный Сызган той же волости (43 кустаря); село Шемурша (или иначе Шемшур) Никольской волости Сызранского уезда (137 гончаров).

Таким образом, всего в этих трех пунктах насчитывалось 515 гончаров-горшечников. Общее число лиц, занимавшихся гончарством в Симбирской губернии составляло, по дворовой переписи 1911 г., 565 человек¹. Из этих данных видно, что максимальное количество гончаров было сконцентрировано в двух уездах — Карсунском и Сызранском. Причиной этому, вероятно, являлось прежде всего наличие подходящих глин неподалеку от данных селений.

Гончарный промысел носил оседлый характер. Крестьяне занимались им почти круглый год (безземельные — весь год). Рабочий период в среднем длился восемь месяцев. Глину добывали, как правило, на своих земельных наделах или на арендуемых участках. Изделия гончары сбывали непосредственно на соседних базарах и ежегодных ярмарках, устраиваемых в городе Карсуне², а также развозили по селениям сами или продавали за гроши скупщикам, которые изрядно наживались. Средний заработок кустарей был ничтожным — за месяц 3 рубля³.

Основной ассортимент гончаров Сухого Карсуна в конце XIX — начале XX вв. составляли следующие изделия: квашенки, полуквашенки, горшки, корчаги, банки для цветов, рукомойники, балакири⁴, кувшины, плошки, тарелки, тазы, смоляные горшки, а также печные трубы, так называемая «гончарка». К сожалению, К. Воробьев не указывает, были ли изделия старых гончаров Сухого Карсуна орнаментированными. Современные сухокарсунские гончары рассказывают, что они пользуются теми же приемами орнаментации, что и их отцы и деды, так что вполне вероятно, что изделия гон-

¹ К. Воробьев. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916, стр. 85.

² Гончары села Сухой Карсун, по рассказам стариков, основную часть изделий возили на Троицкую ярмарку в соседний город Карсун.

³ К. Воробьев. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии, стр. 87.

⁴ Балакирями до сих пор гончары Ульяновской области называют кринки для молока.

чаров прошлого века были близки не только по названиям, форме, но и по орнаментации к современным.

По сведениям К. Воробьева, в 1910-х гг. гончарный промысел в Симбирской губернии заглох «из-за невыгодности и вытеснения глиняных изделий металлической и эмалированной посудой»¹. В это время, видимо, закончили свое существование горшечные промыслы в селе Ясашный Сызган и резко сократили работу гончары села Шемурша². Центром гончарства остался до наших дней в Ульяновской области Сухой Карсун.

Село Сухой Карсун расположено примерно в 30 километрах восточнее города Карсун и в 15—18 километрах от шоссе, соединяющего город Карсун с другими районными центрами. Это большое живописное село с улицами протяженностью в несколько километров и рядами крепких новых домов, большей частью украшенных затейливой пропильной резьбой. За селом начинаются леса и залежи жирной глины, которую жители добывают прямо сверху, вручную.

На задворках, за домами, расположенными в основном фронтально к улице, имеется несколько небольших деревянных срубов, типа сараев или амбаров, в которых находятся гончарные печи или горны. В один прием в печи обжигают до двух тысяч цветочных горшков средней величины.

Мастера работают исключительно на местной глине довольно яркого цвета, дающей при обжиге хороший черепок. Ассортимент изделий сравнительно большой, но почти не отличается от упоминавшегося К. Воробьевым в начале XX века: те же балакири (кринки), квашни, полуквашни, чайники, банки для сметаны, рукомой, кружки, кубышки для пива, плошки для цветов, жарехи-сковороды для жарения картофеля и пр.

Некоторые гончары изготавливают не только посуду для быта, но и своеобразную анималистическую скульптуру, которая в XIX — начале XX вв. в числе изделий сухокарсунских мастеров не упоминалась. Скульптуру медведя в очень плохой сохранности (как сказал хозя-

¹ К. Воробьев. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии, стр. 87.

² По сведениям жительницы Кузоватова Е. С. Сорокиной, простые горшки делают до сих пор в Коромысловке (10 км. от Кузоватова).

ин, брак производства) мы встретили в доме потомственного гончара С. В. Кузина. Вся поверхность скульптуры была разделана под шерсть, и приемы декорировки несколько напоминали работы скопинских гончаров (Рязанская область), славящихся своей оригинальной анималистической и сказочной скульптурой, политой зеленой и коричневой глазурью, которая придает керамической поверхности особую прелесть. Гончары села Сухой Карсун пользуются овиновыми глазурями, и их изделия по цвету иногда близки скопинским. По словам С. В. Кузина, вышеупомянутую скульптуру делали давно. Раньше в Сухом Карсуне изготавливали скульптуры зверей, чаще всего льва и медведя, — любимых героев народного эпоса, — и торговали ими до революции на Карсунской ярмарке. Подобная скульптура и затейливые кувшины с «налепами»¹ наводят на мысль, что гончары Симбирской губернии могли быть знакомы с изделиями скопинских мастеров. И, как знать, может, когда-нибудь удастся установить, что их предки приехали в Сухой Карсун из Рязанских земель, привезя с собой и свое искусство. Однако, пока это лишь предположение.

В семье гончара Н. И. Пахомова нам встретились великоленные корчаги больших размеров, слегка здымленные, с прорисованным орнаментом, который широкой полосой шел по тулову сосудов. И формы сосудов, и приемы орнаментации, удивительно напоминавшие древний ямочно-гребенчатый орнамент, говорят о большой архаичности и традиционности этих изделий. Эти корчаги используются для хранения воды и сухих продуктов и помещаются в кладовые и сени, а между тем, они являются настоящими произведениями искусства. Сухоскарсунские гончары даже не подозревают, какие прекрасные изделия выходят из-под их рук. Эти сосуды отличаются от другой группы предметов и стоят особняком среди разнообразного гончарного ассортимента. Они были отмечены не только членами экспедиции, но и керамической лабораторией НИИХП. Вполне возможно, что образцы этих сосудов были завезены из какой-либо друпой губернии России переселенцами в XVIII—XIX вв. и, будучи чрезвычайно удобными и вместительными, они

¹ Речь идет о кувшинах, хранящихся в Ульяновском областном доме народного творчества.

постоянно пользовались спросом, и гончары делали их, повторяя без изменений форму и орнамент изделия¹.

Следующую группу изделий сухокарсунских мастеров представляет различная посуда, служащая для ежедневного домашнего обихода — квашни, банки для пива, для сметаны, жарехи и т. д. Эти изделия выполняются иногда без орнаментации, просто полными глазурью желтого, коричневого и зеленоватого оттенков, иногда с лепким рисунком, преимущественно растительного и геометрического характера². Орнамент наносится кисточкой или просто палочкой на поверхность сосуда и затем покрывается полизой и обжигается. Несмотря на незатейливость этих украшений, орнаментация придает гончарным изделиям своеобразие и, отличаясь большой скромностью, никогда не выглядит безвкусной, антихудожественной. Для рынка или по специальным заказам гончары, или, как они себя сами называют, горшечники Сухого Карсуна создают произведения, представляющие в художественном отношении определенный интерес.

Предметы для домашнего обихода сухокарсунских

Рис. 3.

Кринки для молока (балакири) и миска. Работа гончара Кузина С.В. с. Сухой Карсун

Фото Л. Н. Гончаровой, 1968 г.

¹ Эти предположения, конечно, очень условны, т. к. не исключена возможность повторения просто найденного археологического сосуда, орнамент и форма которого прочно вошли в быт.

² Орнамент большей частью делается зеленым на желтом фоне.

мастеров несколько отличаются от всех других и по формам (рис. 3). Их кринки (балакири) имеют довольно низкое тулово и длинную горловину, рукоюи, выполненные в виде чайника с носиком, тоже отличаются низким широким туловом, несколько напоминающим фарфоровый чайник. Квашни, расширяющиеся кверху и завершающиеся витым бортиком, отличаются большой монументальностью. Все керамические изделия, несмотря на средний по толщине черепок, производят впечатление массивных и надежных в употреблении.

Вследствие того, что художественные изделия не всегда находят достаточный спрос на местном рынке, где предпочитают из глины покупать молочные кринки и цветочные горшки, (остальную посуду, кроме квашни, крестьяне покупают в магазинах), сухокарсунокские мастера вынуждены возить свою «гончарку» за пределы области. Последние годы мастера часто выполняют художественные изделия на заказ¹.

Цветочные горшки различных размеров, покрытые глазурью и украшенные по краю легким орнаментом или фигурным бортиком, находят широкий сбыт в Куйбышевской области, куда гончары регулярно возят свои изделия по железной дороге через станцию Вешкайма. Осенью, когда кончаются полевые работы в колхозе и дома, мастера Сухого Карсуна выполняют для Куйбышевского портторга большие оптовые заказы².

В Сухом Карсуне гончары работают на собственных гончарных кругах на дому и лишь для обжига изделий в печи объединяются по два — три мастера. Часто работают целой семьей — отец с сыновьями (С. В. Кузин с сыном и др.), или братья. Гончарные круги у них называются «машинками», кругом же принято считать, по словам гончара Н. И. Пахомова, станок без ножного привода, который приводится в движение рукой и утоплен в землю. Нам не удалось увидеть таких кругов. Видимо, они были распространены раньше, когда делали ежегодно большие сосуды на продажу и для себя. Как рассказал нам Н. И. Пахомов, такой «круг» был у его отца и он делал на нем большие, так называемые смо-

¹ Гончар С. В. Кузин предложил нам сделать на заказ любую из скульптур, а Пахомов — орнаментированные изделия.

² В 1968 г. они выполнили 20 тыс. цветочных горшков.

ляные горшки для дегтя. Емкость этих «горшков» доходила до 12 ведер. Такой смоляной горшок (или еще их называют здесь «смольными») сохранился в доме гончара Н. И. Пахомова. Сосуд высотой до метра и диаметром около 60 см слегка сужается книзу, толстостенный, очень тяжелый, рассчитан на использование и хранение во дворе или погребе, видимо, низ его утапливался для большей устойчивости в землю). Такого рода изделия делались лепными, не орнаментировались и не покрывались глазуриями. В настоящее время их в Ульяновской области осталось немного, — в тех селениях, где побывала экспедиция «смоляных горшков» больше встретить не удалось.

Гончары Сухого Карсуна, работающие на обычном гончарном круге, выполняют в течение двух часов 10—15 образцов самых различных форм и размеров. Так, гончар Н. И. Пахомов сделал за это время в присутствии членов экспедиции 12 предметов, в том числе большую квшню и сложной формы кувшин с ручкой.

В селе работают преимущественно молодые мастера, 25—35 лет, и некоторое количество представителей старшего поколения. Стариков осталось очень мало. По сведениям гончара С. В. Кузина, самый старый гончар села Тяткин умер лет пять назад. Восьмидесятипятилетний гончар Макар Дементьевич Леунин — дед Макар, как его уважительно зовут в селе, — не работает из-за преклонного возраста¹. Молодые гончары бережно хранят традиции сухокарсунских горшечников, сохраняя прежние формы изделий, технологию и приемы декорирования. Это особенно заметно при сопоставлении старых гончарных произведений, сохранившихся в некоторых домах, с работами последних лет.

Концентрация мастеров в одном селе, наличие рядом своей сырьевой базы, гончарных печей и близость районного центра — города Карсуна, где можно организовать приемный пункт, создают благоприятные условия, в которых можно было бы наладить более широкую систему надомничества. При этих условиях сухокарсунские керамисты смогли бы полностью обеспечить Улья-

¹ М. Д. Леунин рассказал нам, что до революции сыновья в семье начинали с 10 лет помогать отцам «гончарничать». Сам «дед Макар» с 9—10 лет стал учиться у отца ремеслу, месил глину, ездил с отцом по селам и ярмаркам с товаром.

новскую область подлинно народными по формам и орнаментации произведениями прикладного искусства. Маленькие кувшинчики, кружки, кринки и горшочки, плошки и пепельницы могут быть прекрасными сувенирами. Близкие по характеру иногда к керамике Воронежа, Ярославля или Владимира, они в то же время имеют свои местные черты, которые не всегда сумеет «придумать» художник-профессионал, создающий специально в художественном цехе керамического производства сувениры для Ульяновской области.

Кафе и рестораны Ульяновской области могли бы украситься своеобразной керамикой сухокарсунских мастеров, начиная от кашпо для цветов, кончая тарелками, кувшинами и глиняными горшочками, в которых можно было бы подавать русские кушанья.

* * *

В Карсунском районе имеются наиболее благоприятные условия и для развития художественного ткачества. Существующий при Карсунском Промкомбинате цех художественного ткачества выпускает головные платки, скатерти, покрывала и мерные ткани, выполненные в традициях русского народного ткачества и близкие к череповецким тканым изделиям.

При изучении художественных промыслов Ульяновской области, и в частности Карсунского района, выяснилось, что народное ткачество здесь также имеет свои традиции. По сведениям, собранным у жителей сел и деревень, до Великой Отечественной войны большинство женщин занималось ткачеством и имели свои ткацкие станки. Они ткали большей частью холсты из льна и посконной пряжи, а до Великой Октябрьской социалистической революции делали ткани из «пачек» — бумаги, которой торговали на Карсунской троицкой ярмарке. У стариков до сих пор существует выражение «пачечное полотно», т. е., вытканное из покупной бумажной пряжи.

В начале XX в. уездные земства Симбирской губернии производили обследования кустарной промышленности по всей России для возрождения угасавших промыслов и даже оказывали материальную помощь ремесленным мастерским, преимущественно ткацким. Так, Карсунское уездное земство содержало ремесленную мастерскую и выдавало пособие по 200 рублей в год

учебно-показательной мастерской, учрежденной местным землевладельцем, известным историком В. Н. Поливановым¹. В том же уезде существовала ковроткацкая мастерская, открытая в 1910 г. на средства местной жительницы Сомовой в селе Вешкайма. В ней обучали детей крестьян окрестных деревень «тканью материй и ковров», плетению кружев, вышиванию и рисованию. Мастерская существовала несколько лет и снабжалась ткацкими станами из Петербурга².

Этим, к сожалению, и ограничиваются сведения о начинаниях земства по оживлению кустарной промышленности Симбирской губернии. Не удалось пока дополнить имеющиеся в литературе скудные сведения и при опросе местного населения. Из стариков Карсуна, с которыми были проведены беседы, никто не помнит этих мастерских. Возможно, мастерские не имели особого успеха и популярности среди населения этих мест.

Тяжелое материальное положение крестьянства в начале XX в. вынуждало женщин делать, главным образом, сугубо утилитарные тканые изделия, без орнамента, употреблявшиеся в быту. Как рассказывают женщины села Сухой Карсун, здесь никто почти не занимался узорным ткачеством и вышиванием — не было ни времени, ни потребности в том. Жили бедно, кровати покрывались домоткаными половиками, служившими также одеялами. Самым праздничным украшением в избе были полотенца, которыми обрамляли иконы в «красном углу». У таких полотенцев в некоторых деревнях «забирали» концы, т. е. ткали их «браным» или «переборным» методом, применяя при этом красные нитки из «пачек». Эти полотенца делались очень длинными (2—3 метра длиной) и служили вместе с тем для торжественных ритуалов при венчании, а также и при похоронах.

Простые утиральники ткали, главным образом, конопляные, посконные, простой «полотнянкой»³. Ширина их преимущественно не превышала 17—18 см, что характерно для подобных тканей татарских и чувашских

¹ Обзор деятельности земств по кустарной промышленности, СПб, т. II, 1914, стр. 231.

² Отчеты и исследования по куст. пром-ти, т. XI, 1915, стр. 15—16.

³ Самый простой вид техники ткачества, близкий к плетению.

деревень Ульяновской области¹. Видимо, русские женщины применяли ткацкие станки одной ширины с татарскими и чувашскими, так как подобная ширина полотенец не характерна для русских районов России.

Для крашения льняной и шерстяной пряжи мастерицы употребляли раньше естественные красители из цветов, еловой коры или трав. В конце XIX в. стали покупать анилиновые красители на ярмарках. Так, у А. Рымбаевой из Сухого Карсуна сохранилась домотканая шерстяная юбка, выкрашенная анилиновым розовым красителем (эта юбка приобретена для музея народного искусства экспедицией). Покупные красители были дорогими и ими пользовались, по словам женщин многих сел, лишь для самых нарядных праздничных костюмов. У Т. В. Кузиной, из села Сухой Карсун, нам удалось увидеть такой костюм². Он был сшит ею в 1920-х гг. по образцу старого из фабричных тканей — ситца и сатина. Но у сарафана кокетка сделана из старого домотканого серого с красными полосками холста, который Кузина ткала еще девочкой, применяя самый простой вид техники — полотняное переплетение. (Полосы окрашены естественными красителями в красный цвет).

При изучении ткачества Симбирской губернии В. А. Доливо-Добровольской было отмечено, что в «Симбирской губернии знакомы только и то немногие с наборным» тканьем³. Этот вывод был сделан, видимо, при изучении северо-восточной части губернии, главным образом, Карсунского уезда, так как южнее Кузоватово, в районах, соседствующих с Пензенской и Саратовской областями, нашей экспедиции удалось встретить довольно значительное количество тканых изделий различных видов браного и ремизного ткачества. Так, в деревне Проломеха Инзенского района удалось приобрести столешник, выполненный на 14 ремизках, синим и желтым цветом, который, по мнению специалиста по народному костюму И. П. Работновой и специалиста по народному

¹ В собрании Музея народного искусства НИИХП в Москве имеется большое количество чувашских, мордовских и татарских полотенец, привезенных из этих районов экспедициями.

² Костюм состоит из сарафана синего, кофты красной, надеваемой поверх сарафана, с застежкой слева, желтого сатинового запона и ситцевого набивного платка (Ивановская мануфактура). Костюм украшен только кружевом у застежки кофты.

³ Отчеты и исследования., т. VI, 1900, стр. 388.

ткачеству Л. А. Кожевниковой, является очень интересным образцом ткачества второй половины XIX в.¹

В целом ряде деревень Радищевского района (Радищево, Адоевщина, Верхняя Маза и др.) еще можно найти тканые изделия, выполненные в технике «браного»

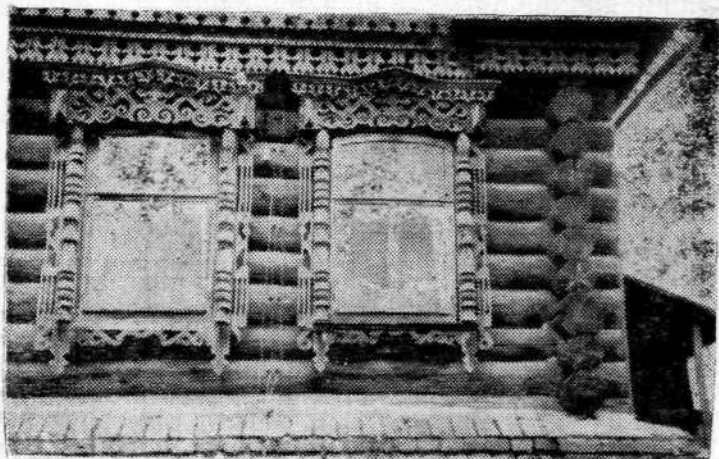

Рис. 4

Резьба на фасаде дома, г. Карсун.
1940—1950 гг.

ткачества, рисунки которых очень близки к композициям изделий не только южных губерний России, но и Севера². Это может быть объяснено тем, что в XVIII—XIX вв. в Симбирскую губернию переселялись крестьяне из самых различных районов России, и, живя на новом месте, они бережно сохраняли традиции и особенности своих родных деревень. Г. Масленицкий, автор Топогра-

¹ Столешник приобретен в деревне Проломиха у Большаковой Е. А. Собрание МНИ, инв. № КП-16869, размер 101×128 см, сшит из трех полотнищ, ширина полотнища — 41 см.

² Экспедиция считает своим долгом отметить исключительную помощь в работе по сбору материала, которая ей была оказана в Радищевском районе колхозниками и председателем колхоза, депутатом Верховного Совета М. А. Алексеевой.

фического описания Симбирского наместничества, составленного в 1785 г., пишет, что «жители Карсунской округи в одежде, обычаях, обрядах, строении домов отличия против российских крестьян ни в чем не имеют»¹. Как видно из этого описания, крестьяне, переезжавшие сюда из русских сел, хранили все особенности своего быта и, видимо, мало что менялось в нем из поколения в поколение.

Таким образом, выявление местных особенностей народного искусства, в частности узорного ткачества, Ульяновской области является сложным еще и оттого, что затруднительно сказать, какие особенности можно считать местными для русской части населения, переселенного сюда из центральной России.

Это относится и к вышивкам, встреченным в большом количестве на юге и юго-востоке Ульяновской области. Вышивки большей частью выполнены черно-красным крестом на концах полотенец и повторяют узоры распространенных в конце XIX — начале XX вв. так называемых «Броккаровских» альбомов рисунков крестом, рекомендовавшихся для вышивок. Эти рисунки очень быстро распространились по России и проникли в деревни из городов. Многие крестьянки, копируя рисунок, увиденный у другой, украшали свои дома вышивками подобного типа, не представлявшими, однако, в художественном отношении никакой ценности. Банальные букеты цветов, пирлянды или отдельные крупные цветы к концу XIX в. почти окончательно вытеснили из крестьянского быта превосходные по своей простоте и неповторимости рисунки, созданные народной фантазией.

Жена С. П. Сорокина — известного мастера-краснодеревщика Ульяновской области Е. С. Сорокина из поселка Кузоватово — рассказывала, что вышивала по канве красным и черным цветом подобные банальные узоры, а рисунки брала у соседок или из соседних деревень. То же самое рассказывали жительницы села Коржевка Инзенского района и села Адоевщина Радищевского района.

На юге Ульяновской области нашей экспедиции встретилось большое количество полотенец начала XX в., вышитых крестом и гладью и бытующих в настоящее

¹ По машинописной копии из Ульяновского обл. архива с подлинника, хранящегося в ЦГВИА (ф. ВУА, Д. 19, 26).

время в некоторых крестьянских домах. В последнее время крестьянки вышивают большей частью на вафельных полотенцах цветными мулине, используя, как старые образцы узоров броккаровского типа, так и еще менее художественные современные «композиции».

Широко распространенная в других районах Росони техника вышивки — тамбур почти не встречалась в тех деревнях и селах, где побывала экспедиция. Только в селе Воскресеновка Радищевского района удалось встретить белую мужскую рубашку, косоворотку, вышитую тамбуром по вороту и низу¹. Узор, вышитый красными и белыми нитками (цветы и листья), — чрезвычайно примитивен. Интересно отметить, что у местных жителей техника вышивки тамбуром носит название вышивки «крючком».

Таким образом, о вышивке Ульяновской области можно сказать, что она народных традиций не имеет. Видимо, в прошлом большая часть крестьянок Симбирской губернии вышивкой не занималась. Те образцы вышивок, которые удалось встретить, относятся преимущественно к XX в. и свидетельствуют о проникновении городских мещанских вкусов в деревню.

* * *

По архивным данным известно, что среди крестьянских ремесел в XIX—XX вв. в Симбирской губернии были развиты столярное, санное, тележное и плотницкое дело, а также плетение из лозы, луба и т. п. В настоящее время мастеров по художественной обработке дерева, лозы и пр. осталось сравнительно немного. По данным Ульяновского областного Дома народного творчества, несколько мастеров имеется в Сурском районе (село Сара на границе с Мордовской АССР) и известный мастер-краснодеревец С. П. Сорокин в Кузоватове.

С. П. Сорокин в молодости работал у помещика и обучился великолепно делать копии и поделки с первоклассных образцов мебели и произведений декоративно-прикладного искусства (скульптура, настольные часы, настенные рельефные панно и т. п.). До революции он делал резные киоты и иконостасы для церквей. Резьба

¹ Рубашка передана в дар Ульяновскому областному краеведческому музею им. И. А. Гончарова.

на собственном доме С. П. Сорокина, свидетельствует о его прекрасном мастерстве.

В селе Коржевка Инзенского района в прошлом работал столяр Журкаев, который также выполнял на заказ для русских помещиков и богатых татар первоклассную мебель. Ореховый полированный буфет с прорезными украшениями на филенках, изготовленный им в конце XIX в. по образцу петербургской мебели 1840—50-х гг., стоит сейчас в больнице Коржевки. Об остальных вещах, выполненных им, нам не удалось ничего узнать.

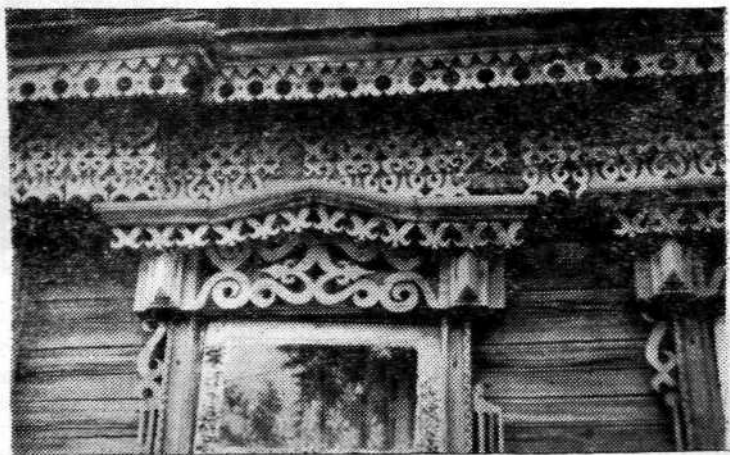

Рис. 5.

Резьба на фасаде дома, г. Карсун.
1940—1950 гг.

Наряду с подобными профессиональными мастерами-краснодеревцами существовали плотники и столяры — крестьяне, которые выполняли резные деревянные украшения на деревенских избах, создавали предметы домашнего обихода, являвшиеся подлинными произведениями народного искусства. Так, в Коржевке до сих пор висит у колодца прекрасная по формам и пропорциям бадейка с медными обручами, а в деревне Проломха на одном доме прикреплен долбленный скворечник

в виде человеческой фигуры с отверстиями для птиц. Эти произведения свидетельствуют о высоком мастерстве крестьянского искусства. Однако, сведений о мастерах, изготовивших эти великолепные вещи, пока не удалось найти.

В деревнях и селах, исследованных экспедицией, деревянная утварь встречается довольно редко. Наиболее широко бытуют лубяные короба, которые используются при сборе ягод и грибов. Изредка удавалось увидеть остатки ткацкого стана, донце или прятку, старую кровать и т. п. Все предметы лишены какой-либо орнаментации.¹

Между тем, некоторые материалы, которые удалось найти в архивах и музеях, говорят о наличии художественного творчества в деревнях Ульяновской области. Так, рисунки художника Д. Архангельского, работавшего в начале 1920-х гг. в Симбирске и изучавшего декоративно-прикладное искусство Поволжья, являются доказательством того, что в 1910—20-х гг. еще можно было встретить в некоторых районах Ульяновской области резьбу на донцах, дугах, вальках и прочих предметах крестьянского быта.² Архангельский исследовал побережье Волги к югу от Ульяновска, вплоть до Жигулей, а также к северу, по реке Свияге. Ему удалось зафиксировать образцы «глухой» резьбы, так называемой, скобчатой и трехгранновыемчатой, типичной для Поволжья XIX в. Все деревянные предметы крестьянского быта, зарисованные Архангельским, покрыты очень скромной, преимущественно, геометрической орнаментацией, в которой применен прием повторения одного и того же элемента орнамента или мотива (цветка, розетки и листьев — на вальках и донцах, или полукружий, из которых образуется геометрический орнамент на телегах³. По этим зарисовкам Архангель-

¹ В Ульяновском музее имеется единственное донце прятки, на котором черной краской изображен медведь, инв. № 12863. Коллекция предметов крестьянского быта была принесена в дар музею Н. Ф. Малышевой. Никаких сведений о владелице и об истории вещей нет.

² Рисунки карандашом и пером Д. Архангельского хранятся в Научно-исследовательском музее русской архитектуры им. А. В. Щусева. Все они датированы и подписаны автором, инв. № 4876—4885.

³ Научно-исследовательский музей архитектуры, инв. № 4876, 4879/3, 4879/4, 4883.

ского можно сделать предположение, что в прибрежной части Ульяновской области работали свои местные народные мастера-художники, и исследование этих районов могло бы дать интересные результаты.

В настоящее время в селениях Ульяновской области (как и в небольших городах) широко распространилось искусство пропильной надомной резьбы. Глухая долбленая резьба, так называемая «бáрочная резьба», в конце XIX в. была окончательно вытеснена накладной, которая включает в себе как элементы глухой резьбы, так и некоторые приемы пропиловки, впоследствии ставшей самым массовым видом украшения народного жилища¹. Все эти стадии развития архитектурной резьбы Среднего Поволжья хорошо прослеживаются на деревянных постройках юга бывшей Сибирской губернии, в Сызрани и крупных селах этого района.

Преобладающим мотивом пропильной резьбы служит геометрический элемент композиции с прямоугольными и полукруглыми очертаниями. Свободный живописный растительный орнамент исчезает не только в сельской архитектуре Ульяновской области, но и по всему Поволжью². Обработка доски пилой в одной плоскости лишает художественную форму тех пластических свойств, которые были присущи предыдущим типам резных украшений, наиболее характерных для Северного Поволжья (в особенности Горьковской области). Новый вид пропильной резьбы свидетельствует об определенном упадке высоких традиций народного искусства, о проникновении в деревню мотивов городской архитектуры конца XIX в., когда по городам России широко распространился из Петербурга и Москвы пресловутый псевдо-русский стиль.

Однако, несмотря на сомнительное происхождение, новый вид пропильной резьбы представляет значительный интерес, так как в интерпретации народного масте-

¹ И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья, М., 1954 г., стр. 34. Экспедиция под руководством И. В. Маковецкого была проведена совместно с Государственным историческим музеем в 1951 г. в районы затопления при строительстве Волжской ГЭС. В состав экспедиции входили сотрудники отдела дерева ГИМ С. К. Жегалова и З. П. Попова. Была исследована Куйбышевская область и часть южных деревень Ульяновской области.

² Там же, стр. 42.

ра он приобрел свое звучание. И как новый этап в современном народном творчестве надомная резьба Ульяновской области нуждается в серьезном и тщательном изучении.

Нашей экспедиции удалось зафиксировать резьбу на фасадах домов города Карсуна, села Коржевка Инзенского района и на юге области. Наиболее интересной по разнообразию является резьба Коржевки и близких к ней селений. В селе Коржевка работает большое количество, главным образом, молодых плотников, унасле-

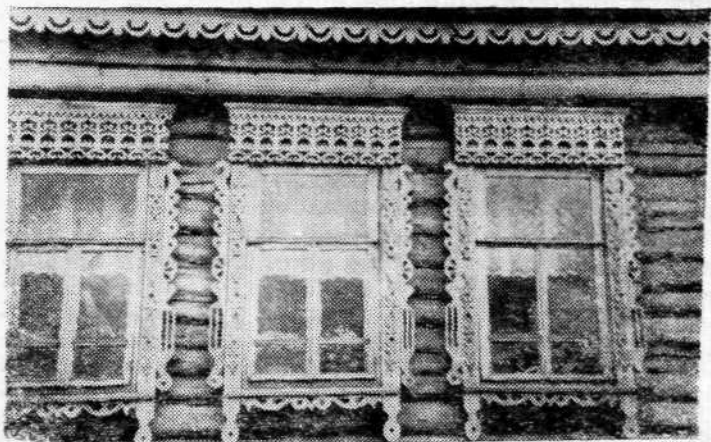

Рис. 6.

Резные наличники на окнах дома, г. Карсун.
1960-е гг.

довавших от отцов приемы и технику пропиловки¹. Вместе с тем они пытаются внести новые элементы орнаментации, отражающие современность. В этом отношении представляет интерес фасад Коржевского дома, на котором мастер изобразил Спасскую башню Кремля, обрамленную кружевом пропильного орнамента, а также фронтоны с человеческими фигурами. В селах и де-

¹ В Коржевском сельсовете нам назвали около десяти опытных плотников, работающих в Коржевке и в соседних деревнях.

ревнях работают местные мастера-плотники, которые при кажущемся однообразии приемов пропильной резьбы создают орнаментальные композиции, ни разу не повторяясь. Это мастерство варьирования отличает искусство истинно народных мастеров.

Итак, несмотря на то, что экспедицией не были подробно исследованы районы Ульяновской области, можно составить определенное представление о состоянии народного искусства и о перспективах его дальнейшего развития. Стала ясной необходимость изучения современного народного творчества, а также сохранения подлинно народного мастерства гончаров села Сухой Карсун. Дальнейшее изучение русских сел Ульяновской области откроет новые страницы истории народного искусства и крестьянского ремесла.